

Евгений МОСКВИН родился в 1985 году в городе Королеве. Окончил экономический факультет МГУ. Член Союза писателей России. Автор трех книг (романы «Предвестники табора», «Плоский мир», повесть «Лишние мысли» и рассказы). Печатался в «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Дружба народов», «Октябрь», «Нева», «Москва», «Урал», «Аврора», «Волга», «Сибирские огни», «День и ночь», «Крещатик», «Юность», «Московский вестник», «Литературная учеба», «Российский колокол», «Дети Ра» и др. Автор романов «Профили» (журнал «День и ночь» № 2 за 2008 год) и «Большой круг» (журнал «Урал»

№№ 2–3 за 2010 год). Вошел в шорт-лист премии памяти Ильи Тюрина в номинации «Проза»; в лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Малая проза» 2006, 2007, 2009, в номинации «Крупная проза» (2008, 2010), в номинации «Фантастика» (2012); в лонг-лист премии «Кенгуру» (2011, 2012); в лонг-лист III Славянского форума «Золотой витязь» в номинации «Проза»; победитель литературного конкурса «Бекар» в номинации «Проза. Классическая музыка» (2006). Участник 7–12 форумов молодых писателей России.

ИГРА В ЛОТО

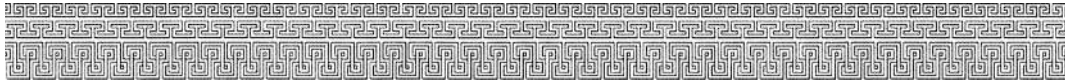
1

Я хорошо помню это лото, в которое мы играли, когда мне было лет шесть-семь... Эти резные, купольные узоры на крышке коробки и набитый бочонками матерчатый мешок на шнурке, с точно такими же узорами, только вышитыми красной нитью.

Когда мама вытаскивала мешок из коробки, деревянные бочонки погреывали всем скопом, гулко и увесисто, как семейство соковищ...

И как только я брал мешок, воображал себя каким-то великим, гордым богачом некоего деревянного мира — я даже подбородок задираю и специ-

ально потрясал мешком, а мама смеялась и предупреждала, что если я опять просижу целый час с мешком на коленях, нам так и не удастся поиграть. И мне становилось как-то жалко и обидно — ведь действительно, это было для меня даже важнее самой игры. Сидеть перед окном в своей комнате и изредка потряхивать мешком перед ухом, слушать неторопливое погремывание...

Я замирал — в моем мозгу надолго оставались отголоски деревянного мира, куда мне попасть только воображением и слухом. А взгляд останавливался в намасленном березовом золоте за окном...

Листья просвечиваются солнцем, как разрезанный экран...

Мы садились играть в лото втроем — я, мама, бабушка — по вечерам, на кровать, и нас всегда освещал этот остановившийся оранжевый закат, прикоснувшийся к каждой вещи в комнате солнечной травинкой или островком. По всем вещам, по всему полу, стенам и потолку были разбросаны причудливые оранжевые детальки, а в одной, над бельевницей, тенью отпечаталась часть подсвечника. Помню, меня заворожило: *как это получилось? Он же так далеко и совсем не освещен солнцем — наоборот, осунулся черной темнотой.*

А на платяной шкафу лег целый материк света! Казалось, закатные рисунки не меняются в комнате часами и положение деталек не двигается; и мы тоже играли часами. Только в серванте пошевеливался воздух?.. Чуть разжигая расплавленный песок на дне фужеров и многоликие отражения окна...

Мы по очереди доставали бочонки из мешка, и они сияли — будто сделанные из розового дерева... Доставали, предварительно перемешав... погремывание, погремывание, бочонки чуть постукивают, потираются друг о друга — я вращаю их в мешке. Я богат, и я выиграю игру! Первым закрою всю карточку с числами и выиграю!

И действительно, я часто выигрывал у матери и бабушки... Наверное, не только потому, что мне везло. Важнее был настрой и уверенность в удаче, а я чувствовал себя главным во время игры, у меня была привилегия: закрывать числа на карточке, ставя на них бочонки, а мама и бабушка закрывали картонные поля кусочками бумаги. И бочонки доставались им только в том случае, если у меня не было числа.

Один раз мама сказала, что можно просто вычеркивать числа во время игры. Некоторые так делают.

— Как это — «вычеркивать»?

— Просто ручкой и все, — ответила мама. — Но карточка будет испорчена, конечно. А новую нигде не купишь.

Я уставился на нее, чувствуя ледяной трепет.

— Никогда мы так не будем делать! — выкрикнул я. Почти уже тем тоном, каким начинал ругаться, когда меня заставляли есть суп.

Испортить карточку? Для меня это означало загубить произведение искусства. Чуть не святотатство! Испортить лото! Зачеркнуть любовь! Никогда!

— Ну что ты перепугался? Мы никогда не будем так делать, — сказала бабушка.

И я потихоньку успокоился, но для себя отметил, что зачеркивают на карточках, наверное, очень плохие люди. Враги красоты.

Это лото было для меня настоящей реликвией...

Мне и впрямь всегда казалось, что оно было куплено давно-давно, задолго до моего рождения. Настолько древне-вителиевые все эти изображения на коробке, на мешке, и вензеля, и якоря в тех клетках карточек, где не стояло чисел... И выжженные, коричневые числа на бочонках — все это такое древнее и по-королевски сказочное! А ведь я прекрасно помнил день, когда мы купили лото — прошел всего год, а может, меньше. Мама приглядела его в спортивном магазине, в особом подарочном отделе. И когда мы пришли покупать, стояло оно рядом с сувенирными хоккейными шайбами, бирюзово-белыми шахматными досками и фарфоровым олимпийским блюдом...

Пока мама расплачивается за лото, я таращусь на него в восхищении, а потом чуть толкаю ее и шепчу, чтобы она попросила продавца не запечатывать в оберточную бумагу, а просто положить лото в пакет. По дороге домой я смогу все время посматривать в пакет и любоваться. Спокойно прийти, и уже там все изучить — нет, я не могу дотерпеть! Теперь я хочу, чтобы лото было в каждой минуте моей жизни.

Мы идем из магазина. Я сияю, трепещу от нетерпения — побыстрее бы добраться домой! Как вдруг слева, в моем боковом зрении, осенний воздух разрезается коротким свечевым всполохом. Я вздрагиваю, оборачиваюсь и вижу перед лицом лоснящуюся жестянку, в которой мгновение — и замирает шелест монет. Поверх жестянки — почтительный, мудрый прищур, будто осведомляющийся: «Что ты там утаил?»

Катя... Сколько уже раз я видел ее на улице! Не счесть. Но никогда еще не разговаривал. Ей лет сорок, она очень худая, а руки — чуть не дистрофические. Под большими наведенными глазами — впалые морщинки, а щеки, хотя и гладкие, но выглядят так хлипоко... Нет-нет, да и прорвутся! Длиннющие волосы, золотистые и спутанные... Но есть в Кате и какая-то внутренняя надломленность — кажется, она вся очень тонкая и хилая внутри, и телесные перемычки едва держатся, и паутинки света в глазах вот-вот разорвутся... Но взгляд Кати невероятно бодр!

— Ты меня напугала, — укоряю я. Но мне становится весело, и смешно, и тепло от того, как она вежливо и хитро смотрит на меня. И вдруг ее лицо преображается настоящим ехидством! Сейчас я, мол, расскажу тебе ехидную сказочку... Расползающиеся губы будто уже готовы пропеть: ля-ля-ля. Они так толсто намазаны бордовой помадой, что мне кажется, под ними закрашены и зубы.

— Извини, — она чуть опускает жестянку и как-то обрадовано склоняется надо мной. Волосы подрагивают, как нити, и едва не касаются моей щеки. Я чувствую, как от Кати исходит тайное покровительство — чему-то. — Мне нужно всего десять рублей.

Мама останавливается и насмешливо смотрит на нее — Катя человек известный и часто даже встает возле нашего подъезда.

— А что мне будет за десять рублей? — спрашиваю я.

— Когда-нибудь я буду оберегать тебя. Ты живешь в том доме?

Она тыкает пальцем мне за плечо. Я коротко оборачиваюсь.

— Да.

— Я поселюсь рядом и буду заботиться о тебе.

— Хорошо, — и мне становится как-то уверенно и спокойно внутри. От того, как серьезно она говорит. Не прекращая улыбаться. Этот резкий оберегающий взгляд.

Я беру у матери монеты и кладу их в сияющую жестянку, и Катя, еще больше расплываясь, кажется, чуть не высовывает язык от великого удовольствия. Вижу, что нет — зубы у нее не накрашены, а очень даже белы. Наверное, не такая она и жалкая, какой кажется, а больше прикидывается, и я чувствую тепло и доброту, которые исходят от нее.

Вообще Катя не грязная, но кажется грязной — столько иссиня-черной косметики на желтеющем лице! Потертая цветастая одежда с красными пуговицами, а юбка подметает мостовую, только Катя шелохнется.

Когда-нибудь я поселюсь рядом и буду оберегать тебя.

Когда-нибудь я поселюсь рядом... буду заботиться...

Позже Катины слова очень долго не выходят у меня из головы.

Как она собирается заботиться? Как она будет это делать? И зачем ей? Конечно, если она не будет меня заставлять есть суп — это очень хорошо. Тогда я согласен. Но ей-то какой толк? Мама часто говорит (когда мы ссоримся или спорим — не только из-за супа), что если ее и бабушки не будет, я останусь никому не нужен. Что они у меня одни — а я не ценю их заботу.

Почему же тогда Катя сказала, что будет оберегать? Мне по-прежнему тепло и уверенно от нашего разговора, от ее слов, но все равно так трудно представить, что она присоединится к нашей семье.

Когда-нибудь... Выходит, она собирается сменить их? Но почему?

Снова я вспоминаю, как Катя иногда встает возле нашего подъезда. Жильцы ее часто прогоняют. Но всегда у нее эта полувежливая, полухитрая улыбка, будто подъезжающая: я, мол, знаю, что ты все равно уступишь; выложишь, что хочу.

Я не понимаю, с чего она возьмет на себя заботу?

И в конце концов, чувствую, что потихоньку начинаю стесняться Катю; ее ехидная симпатия меня обожгла. И я знаю: в следующий раз, когда буду проходить мимо, и она улыбнется, я резко, игриво отвернусь, буду смотреть в противоположную сторону. Так, словно обиделся и больше ее не замечаю.

Чтобы она не увидела моей ответной улыбки.

* * *

Однако я почти не вижу ее весь следующий год. Она куда-то исчезла — ее нет ни возле магазинов, ни на перекрестке, под кленом, где она тоже, бывает, стоит, ни возле нашего дома. Постепенно я начинаю забывать...

И только один раз я услышал, как мама и бабушка разговаривали в другой комнате:

— Я сегодня видела эту... Катю... — говорила бабушка.

— И что?

— Прямо в наш подъезд забралась, хотела на батарее улечься, под лестницей. Соседка ее погнала.

Следующую часть я не расслышал. Но я уже был удивлен — будто объявился человек, который уехал куда-то очень далеко, и здесь, поблизости, его не может быть.

А потом:

— ...Это где она хотела улечься?

— В закутке, слева от входа. На первом этаже.

— Странно, она никогда так не де...

Мама, видно, в этот момент закрыла дверь в комнату — я больше ничего не услышал. Но этого короткого диалога мне хватило, чтобы обдумывать и обдумывать несколько дней.

Что Катя делала? Может, она приходила ко мне? А ее не пустили...

«Нет, на это не похоже. Здесь что-то не то», — решил я. Я был сбит с толку, но разобраться и определить, что я недопонимаю, никак не мог. Если она приходила ко мне, то зачем улеглась на первом этаже? В конце концов, я решил, что Катя, видимо, не дошла до нашей квартиры. Устала в последний момент, решила прикорнуть. Поэтому улеглась под лестницей, и мне стало почему-то неприятно, скучно. Я решил побыстрее выкинуть это из головы...

А потом, как-то раз вечером, после игры в лото, я вдруг подумал: неужели я когда-то буду играть и с Катей? Не знаю, почему мне этого совершенно не хотелось. Она перетаскает все бочонки, и я уже не буду чувствовать себя таким богачом.

2

Где-то уже четверть часа мы играем последнюю партию. Я то и дело поглядываю на закатный колпачок, застывший на двери платяного шкафа. Когда бабушка перестает двигаться, солнечный колпачок будто стоит на ее темени.

— Двадцать пять... Есть у кого-нибудь? — говорит мама, вытаскивая бочонок из мешка. На ее щеке — оранжевая стрелка, в которой тенью вырезана еще одна стрелка, поменьше. — О-о, у меня у самой есть...

— У меня нет.

— И у меня...

Над нижней рамой окна — березовая шапка из желтых и салатных листьев. Кажется, они такие свежие и прозрачные, и в них позвонивает ве-

тер. Но ни один листик не двигается. А слева позади — беззвучная, стойкая вспышка солнца, от которой косят теплящиеся лучи-коридоры; и тянутся к нашим рукам. И кажется, мама и бабушка тоже прикрывают числа березовыми листьями. Не бумажками.

— Шестьдесят один, — говорит бабушка. И я снова смотрю на солнечный колпачок, «стоящий» на ее голове.

А «листья» на картонных полях вздрагивают и вздрагивают — каждый раз, когда наши руки приходят в движение... Когда нужно закрыть поле новым «листом»... А мне достается розовеющий бочонок: «У меня есть», — отвечаю я.

На моей карточке — розовый деревянный фундамент.

А рядом с коленом сложено несколько «бросовых» бочонков — которые не пришлись никому.

Половина кровати — в световых сокровищах, будто высыпавшихся из деревянной коробки, лежащей на боку, у бабушки за спиной.

Одна бумажка-«березовый лист» зависла в воздухе, над кроватью... Или это закатный блик?

— Тридцать четыре! — говорит мама.

Это все — одно целое! Вся улица, вся наша игра.

— У меня есть! — отвечает бабушка.

И когда я закрою две оставшиеся клетки... Маме и бабушке еще по пять закрывать! Я так обрадован предвкушением победы — скоро, совсем скоро...

— Сорок пять!

— У меня есть! — вскрикиваю я. И весело тянусь и хватаю бочонок — будто уже выиграл, хе-хе-хе!

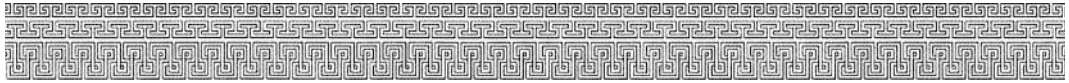
Нет, осталась еще одна клетка.

И тут за окном — падающий звук, будто что-то легко, но резко ударилось о землю. И — ш-ш-ш: короткий шелест. Листья рассыпались?

Я осторожно, но быстро убираю карточку с бочонками и подхожу к окну. Другой бы раз мама окликнула: «Ну что ты такой любопытный? Что тебе понадобилось?» Но сейчас она почему-то не делает этого, а меня манит странная тревога, и бабушка только смотрит мне вслед, будто я ухожу куда-то далеко.

Я стою у окна, которое уже не слепит, не теплит. Только закатные линии между синими домами... Я не вижу и их — я с трудом распознаю женщину, лежащую лицом вниз, на тротуаре.

Люди еще не столпились вокруг. Женщина лежит одна. Эти перепутанные, рассыпавшиеся волосы... Кажется, их стало гораздо меньше от того, как она лежит. А платье и юбка совсем уже не выглядят цветастыми.

Катя. Это она? А рядом — просыпались монеты и посверкивают. Как ее улыбка, когда она еще была жива.

Теперь она умерла. Я это знаю. Монеты сияют-светятся и тянутся от ее головы.

А мне кажется, что я один в комнате... Да это так и есть.

Позже говорили, что у нее просто сердце остановилось — раз и все; и она упала замертво.

Я смотрю вниз, на мертвую женщину, и у меня все немеет внутри. В груди вырезался нервный кругляшок, и голова чуть кружится — будто я просто боюсь высоты. А в невесомо вытянутой руке — бочонок, который я так и не поставил на картонное поле. Кажется, он просто стоит у меня на подушечке пальца — в розовеющей мгле.

Я знаю, из меня тоже когда-нибудь уйдет свет. Думаю, это будет похоже на... Как это будет выглядеть со стороны? А еще вернее: как это будет, если бы этот свет был различим глазом? Если представить его как обычный... Думаю, это похоже на... плавное сокращение луча, внутри какой-нибудь полости. Луч не исчезает, а просто сокращается внутри полости. Больше не просвечивает — будто она стала сплошной. А снаружи остается неизменным...

Он всегда неизменен.

А что происходит с человеком? Это все знают. Это как будто из шарика выпустили воздух?.. Но тотчас и закрыли — так что шарик совсем чуть уменьшился в объеме.

Тело чуть подспустится, и под кожей проявятся натягивающие углы.

И с Катей тоже тогда произошло нечто подобное. Даже несмотря на ее худобу. Я не мог видеть — я был слишком высоко, на пятом этаже, но я чувствую...

Теперь.

Теперь прошло двадцать лет. Я часто вспоминаю игру в лото, и как стоял у окна в тот день, с бочонком на отставленной руке... Мне кажется, он был на самом кончике моего пальца. И думаю: если бы *это* произошло со мной в тот

момент... Перед тем как упасть я увидел бы, как на пальце чуть сдувается подушечка, и бочонок из-за проявляющейся округлой впадинки уже не в силах сохранять равновесие. Он покачивается, покачивается и падает вниз, и катится под кровать, в темноту, за пределы моего зрения... За пределы розовой мглы. И я вижу уже только впадинку на подушечке... В которой набралось кровавое пятнышко...

Прошло двадцать лет.

Я стою перед кроватью, на которой мы когда-то играли в лото. Смотрю на изголовье, в самый угол — там щелочка, между деревянной стойкой и настенным ковром. Узенькое пространство, ведущее под кровать...

Я знаю, что он лежит там. Моих родных больше нет, я давно забыл, где лото, но я знаю, что если отодвину кровать... Увижу его там, между комьев пыли. И тотчас возле бочонка вспыхнет оранжевый прямоугольник из моего детства, такой стойкий и немеркнувший, будто намалеванный, — того самого света, который когда-то был в этой комнате...

Я снова думаю о Кате...

Боже, я так долго писал, что не просто измучился, но даже перестал чувствовать усталость от усталости. Она стала частью меня и лишь очень редко отдает страшной слабостью, когда я просто падаю и не могу пошевелить ни единой частью тела... И у меня совсем нет денег.

Когда-нибудь я поселюсь рядом и буду оберегать тебя...

Я помню этот оберегающий, оранжевый свет...

Я иду в коридор и стучусь в соседнюю комнату. И когда отворяется дверь, вижу во мраке растрепанные тени волос.

Это она. Она выполнила свое обещание.

Стоит и протягивает мне монеты...

Которые я когда-то ей дал.

